

Глава 22. Преисподняя — владения Гуй Минсы, мир людей — пристанище для вернувшихся душ

Гуй Минсы, не отрывая взгляда от луны, приложился к кувшину. Он тяжело вздыхал, хмурился и то и дело сокрушённо качал головой. Фан Гуанмо и Лу Чэну давно пора было спать, но им пришлось полсотни раз выслушать излияния этого страдальца.

Пока другие проливали слёзы над трогательными историями о вечной любви, эти двое, не имея даже собственных спутниц, всю «вкушали» горькие плоды чужого романа.

Ну и тоска!

Слуга дважды заходил в комнату, чтобы сменить огарки свечей на столе, прежде чем небо на востоке наконец начало светлеть.

Под ногами Гуй Минсы в беспорядке валялись пустые сосуды, но, несмотря на количество выпитого в одиночестве, он казался трезвым как стёклышко. Едва алая полоса зари коснулась горизонта, внизу послышался шум.

Бай Чжигэ и Ху Цяньцю вернулись, когда утренняя роса ещё не успела сойти. Ху Цяньцю едва переставлял ноги от усталости, следуя за спутником по пятам, да и сам Бай Чжигэ выглядел измотанным.

Услышав голоса, Фан Гуанмо распахнул окно и, высунувшись наружу, возбуждённо прошептал Лу Чэну:

— Кто бы мог подумать, что наш старший брат, едва прозрев, окажется таким шустрым! Не успели закрепить договор, а дело уже сделано. Вот что значит — человек великих свершений!

Лу Чэн осторожно потянул его за рукав, предостерегая:

— Тсс! Потихе ты. Гуй Минсы всё ещё здесь, жить надоело?

Он покосился на Призрачного Посланника: тот одарил их ледяным взглядом и мгновенно исчез, оставив на подоконнике лишь одинокий синий кувшин.

Бай Чжигэ, по своему обыкновению, заказал для Ху Цяньцю жареную курицу, а сам молча принялся за лапшу. Ху Цяньцю оторвал сочную ножку и положил её в миску даоса. Тот замер, выглядя явно смущённым.

— Я не ем скоромного. Оставь себе.

У Ху Цяньцю аппетита тоже не было. Вчера он перебрал сладкого лисьего вина, впал в беспамятство, прыгнул в озеро... а дальше — пустота. Проснувшись, он ощущал во всём теле странную разбитость.

Неужели он, тысячелетний лис-оборотень, действительно... лишился своей чистоты?

— Слушай... вчера ночью... — начал он, — что-нибудь произошло?

Бай Чжигэ негромко кашлянул.

— Ничего.

Ху Цяньцю задумчиво откусил кусок курицы. У лисьего вина коварное послевкусие, он просто не мог сопротивляться его чарам. Так был ли Бай Чжигэ с ним или...

Хотелось расспросить подробнее, но язык не поворачивался.

Ху Цяньцю принялся мерить комнату шагами, то и дело бросая на даоса косые взгляды. Он что-то мямлил себе под нос, пока Бай Чжигэ наконец не почувствовал неладное.

Даос сидел в позе лотоса, стараясь усмирить дух и очистить разум, но беспокойные хождения Ху Цяньцю и поднятый ими ветерок постоянно сбивали его с настроения.

— Ты весь день так мечешься, — Бай Чжигэ открыл глаза и посмотрел на юношу. — Что тебя гложет? Расскажи, может, я сумею помочь?

Он глядел на Сун Мина. Тот был миловиден, но в деле совершенствования — полено поленом, безнадежен.

Ху Цяньцю мучился: а вдруг Бай Чжигэ, чтобы нейтрализовать действие вина, заставил его «принимать»?

Вопрос касался мужского достоинства, и спрашивать об этом в лоб было чертовски унижительно.

Он сделал ещё пару кругов. К чёрту достоинство, истина важнее.

— Эй! Когда я вчера выпил того вина... как именно ты мне помог? Мы ведь не... не занимались двойным совершенствованием?

Бай Чжигэ сощурился, в его взгляде промелькнуло сомнение.

— Двойным совершенствованием? О чём только забита твоя голова? Путь к бессмертию полон испытаний, а о подобных практиках и речи быть не может. Неужели ты считаешь меня подлецом, способным воспользоваться чужой слабостью?

Сун Мин был слаб телом, его каналы забиты. Если бы Бай Чжигэ действительно попытался передать ему часть своей силы через парную практику, хрупкий сосуд души просто не выдержал бы напора. Это принесло бы только вред.

Ху Цяньцю застыл с открытым ртом. Ситуация обернулась так, будто это он — озабоченный дурак, жаждущий близости.

— Да не собирался я практиковать! Всё совсем не так, как ты подумал! — возмутился он. — Как ты вообще можешь быть таким... бесстыдным?

Бай Чжигэ, этот чистенький праведник, оказывается, втайне питал такие мысли!

— Путь самосовершенствования — дело серьёзное, — невозмутимо парировал даос. — Любая оплошность может стоить тебе жизни. С чего ты взял, что я веду себя бесстыдно?

—...

«Ладно, ладно», — сдался про себя лис. В словесных перепалках Бай Чжигэ ему не одолеть. Но как же тогда подействовало вино?

Вернувшись в свою резиденцию, Гуй Минсы не желал видеть ни единой живой души. Он заперся в кабинете, заливая горе вином. Король демонов пал, в их мире царил хаос, но ему не было дела до трона.

Все его мысли занимала Школа Летящих Бессмертных и этот Ляо Мяожэнь. Будет ли он похож на него прежнего? Останется ли тем самым прекрасным юношей?

Впрочем, неважно. Кем бы тот ни стал, он навсегда останется его Цюцю.

Гуй Минсы применил заклинание, чтобы мгновенно протрезветь, сменил одежду на светлые одеяния и пулей вылетел из дома к постоялому двору. Фан Гуанмо, едва увидев его, так испугался, что с перепугу врезался в столб.

Настроение у Призрачного Посланника явно улучшилось. Он подхватил Фан Гуанмо за шкуру и потащил наверх. Бай Чжигэ и Ху Цяньцю как раз медитировали — даос наставлял юношу в базовых техниках школы, помогая укрепить меридианы.

Гуй Минсы, скрестив руки на груди, прислонился к колонне. Смерив взглядом погружённого в транс Сун Мина, он обратился к Бай Чжигэ:

— Я долго размышлял. Король демонов мёртв, и распри за власть меня не касаются. Я открою барьер Призрачного поселения, но у меня есть условие.

Бай Чжигэ, не оборачиваясь к Сун Мину, незаметно положил ладонь на эфес Меча Сокровенного Грома.

— Можешь просить о чём угодно, — твёрдо произнёс он, — но его я тебе не отдам.

Гуй Минсы многозначительно хмыкнул, переводя взгляд с одного на другого.

— Его? Да он мне и даром не нужен. Только такой дурак, как ты, может дорожить этим «сокровищем». Я ищу другого человека. Из вашей школы.

Бай Чжигэ облегчённо выдохнул. Если Гуй Минсы не претендует на Сун Мина, остальное решается.

В ночном небе расцвёл серебристый фейерверк — сигнал для учеников Школы Летящих Бессмертных. Все, кто укрывался в посёлке, поспешили к входу, где на каменной стене красовалась надпись: «Преисподняя — владения Гуй Минсы, мир людей — пристанище для вернувшихся душ».

Призрачный Посланник бросил последний взгляд на Башню Девяти Небес и повернулся, чтобы активировать сердце массива.

Внезапно с гор налетел ледяной ветер. Всё вокруг подёрнулось дымкой иллюзии, а дикая трава, поднявшаяся по колено, заколыхалась, словно морские волны под грозовым небом.

Из пустоты выступила фигура в белом. Снежная грива волос ниспадала до самых лодыжек, на полах длинного халата пламенили вышитые цветы мейхуа. В руках он небрежно крутил Парные Клинки Пурпурного Потока, а сам смотрел на Гуй Минсы с ядовитой злобой.

— Гуй Минсы... Оказывается, мы оба в плену любовных терзаний. Ради этого отступника Ху Цяньцю ты решился предать свой род и выпустить их? Я восхищён твоей преданностью, — Юнь Ху оскалился в жестокой усмешке, — но жаль... ты выбрал не ту сторону!

В следующее мгновение Юнь Ху незримым движением схватил Гуй Минсы за горло и приподнял над землёй. С лёгкостью отбросив его в сторону, он впечатал Посланника в

каменную стелу. Памятник с грохотом раскололся надвое. Гуй Минсы, словно не чувствуя боли, сплюнул кровь и медленно поднялся на ноги.

Глядя на приближающегося к ученикам Юнь Ху, он понял: Король демонов был куда сильнее, чем они думали. Такой монстр не мог погибнуть от рук простого смертного.

Бай Чжигэ обнажил Меч Сокровенного Грома, заслоняя собой товарищей.

— О? Кажется, среди этого сброда ты — самый достойный, — Юнь Ху хищно прищурился. — Сегодня я принесу тебя в жертву, чтобы вернуть своего возлюбленного!

Воздух прорезала ослепительная вспышка. Раздался резкий звон — когти Юнь Ху столкнулись с лезвием Меча Сокровенного Грома. Меч засиял ярким белым светом, по клинку зазмеились молнии, сходясь к точке удара. Мощь демона была огромна; он буквально вминал Бай Чжигэ в землю.

Даос стиснул зубы, удерживая натиск.

— А я-то думал, Гуй Минсы возится с мелкой сошкой, — прошипел Король демонов. — Какая приятная неожиданность!

Когда вторая лапа демона метнулась в атаку, Гуй Минсы обнажил свой меч и нанёс колющий удар в спину врага. Юнь Ху извернулся, играючи уходя от выпада.

— Благодарю за помощь! — бросил Бай Чжигэ.

— Поблагодаришь, когда выберемся, — огрызнулся Посланник. — Ты ведь знаешь, что мне нужно взамен!

Юнь Ху посмотрел с чем-то похожим на жалость.

— Сегодня никто из вас не уйдет отсюда живым!

Из темноты, подобно чёрному приливу, хлынули полчища демонов, до этого рыскавших в Башне. По приказу своего господина они бросились на учеников, стремясь захватить тех живыми. В возникшем хаосе Бай Чжигэ мертвой хваткой вцепился в плечо Ху Цяньцю, притягивая его к себе.

Меч Сокровенного Грома окрасился чёрной кровью, а его искры стали тёмно-алыми.

— Держись за меня! — крикнул даос, не сводя глаз с врага. — И не смей высовываться!

Юнь Ху обернулся гигантским лисом — ещё более огромным и свирепым, чем тот, которого они видели прежде. Тварь в мощном рывке кинулась на Ху Цяньцю. Бай Чжигэ, собрав все силы, оттолкнул юношу в сторону.

Он вскинул Меч Сокровенного Грома, чувствуя, как внутри него сталкиваются две несовместимые силы, разрывая тело на части. Рука, сжимавшая эфес, неистово дрожала. Он начал призывать гром — это был риск, шаг за грань жизни.

Безумный ветер, поднятый заклинанием, едва не сбил Ху Цяньцю с ног.

— Бай Чжигэ, ты сдурел?! — заорал он. — Ты же сам под этот удар попадёшь!

— Замолкни!

«Что?! Он ещё и смеет на меня орать?!» — возмутился лис.

Бай Чжигэ бросил на Ху Цяньцю последний, прощальный взгляд и бросился на Юнь Ху. Человек и демон взмывали всё выше, пока не оказались в самом центре бушующего грозового зенита.

Даос был полукровкой — человеком с демонической сутью, и не мог раскрыть истинную мощь Меча Сокровенного Грома. Единственным шансом спасти остальных было стать живым проводником для небесной кары.

Внизу был Гуй Минсы; если он выведет учеников, то наверняка последует за ними в школу. Он защитит их. Защитит его.

Небо затянуло чернильными тучами, проливной дождь смешался с раскатами грома. Вспышка молнии на миг выхватила бледное, полное скорбной решимости лицо Бай Чжигэ.

— Плотью своей взываю к грому! Повинуйся! Истреби демоническое отродье!

Ослепительный разряд ударил одновременно в него и в Юнь Ху.

В этот миг на земле, прямо из-под ног Ху Цяньцю, вынырнула массивная тень. Огромная лапа, вооружённая тяжелым палахом, с хрустом обрушилась на спину юноши.

Всё произошло слишком быстро. Удар рассёк плоть, Ху Цяньцю услышал жуткий звук собственных ломающихся костей. Он рухнул на землю прямо на глазах у Бай Чжигэ.

Кровь мгновенно смешалась с дождевой водой.

Ху Цяньцю задыхался от невыносимой боли. С трудом приподняв тяжёлые веки, он мысленно проклял даоса: «Бай Чжигэ... Твою мать, ты — моё проклятие! Куда бы ни пришёл, везде от тебя одни беды. Сдаюсь... я больше не могу...»

<http://bllate.org/book/17498/1712881>